

- ЧТО вы сделали с Мартой и Билли? - спросил доктор Курт Коннорс.

Под кожей, в обрубках мышц округлой культы на месте его правой руки, чувствовался зуд. Любой другой принял бы это за шальной приступ фантомных болей. Для него это было предупреждением.

Старик - очевидно, главный - промолчал, предоставив отвечать Цицерону, коротышке в крикливо-ярком галстуке.

- Пока ничего, только немножко связали, ради их же собственной безопасности. Этот твой мальчишка - просто ходячий фейерверк.

От мысли о жене и сыне - связанных, с кляпами во рту - боль прострелила отсутствующую руку так резко, что Коннорс пошатнулся и едва не упал. Часть его мозга уже поддавалась первобытным инстинктам. Хотелось одновременно и схватиться уцелевшей рукой за культю и опереться ею на что-нибудь.

Увидев, что он не притворяется, похитители переглянулись.

Цицерон подхватил Коннора под локоть и довел его до стола, на который доктор смог опереться. Престарелый босс поманил кого-то пальцем, и Коннорс услышал журчание льющейся жидкости.

- Старая рана пошаливает?

Эти гангстеры полагали, будто выяснили о нем все, что им требовалось знать. Они знали достаточно, чтобы отыскать его уединенный дом в Эверглейдс, захватить его жену и сына и угрожать их жизни, чтобы принудить его к сотрудничеству.

Но они и не представляли себе, насколько он может быть опасен.

Потеряв руку под минометным огнем, он задался целью отыскать способ исцелить и самого себя и миллионы других калек. Он полагал, что ключ к этому - в регенеративных способностях некоторых видов ящериц. Известно, что красногорлые анолисы, саламандры, гекконы и хамелеоны способны отторгать свои цепкие хвосты и отращивать их заново. Почему бы генной терапии не помочь людям обрести такие же способности? Но вместо этого экспериментальная сыворотка изменила доктора, встроив в его мозг инстинкты древнего хищника, с точки зрения которого все прочие живые существа - не более чем источник пищи.

Быть может, в следующий раз стоит поработать с лабораторными мышами, как все нормальные ученые.

С той самой минуты, как его взяли в плен, его сердце и разум рвались в бой. Первобытное стремление спасти жену и ребенка боролось с пониманием: все, что бы он ни предпринял, вероятнее всего, приведет к их гибели. Как только частный реактивный лайнер доставил их всех в Нью-Йорк, похитители разделили их. Отсутствие Марты и Билли затмевало разум и разжигало злость.

В результате доктора все меньше и меньше волновало, останутся ли похитители в живых или умрут. Мысль о том, что их жизнь и смерть в его руках, внушала омерзительное наслаждение.

Еще один признак близкого превращения...

Перед доктором поставили бокал дорогого бренди. Пользуясь предоставленным временем, он еще раз постарался убедить свою темную сторону, что, как бы ни сладок был миг отмщения, это обречет его семью на смерть.

Даже оно, даже это пресмыкающееся понимало, что такое семья, и это на время помогло сохранить контроль над собой.

- Покончили с выпивкой? Вот и хорошо, - кто-то из гангстеров вынул из его руки бокал. - Теперь слушайте внимательно. Вы - ветеран войны, доктор. Я это уважаю. Поэтому объясню: мне не нужно от вас ничего незаконного, окей? Вы здесь затем, чтобы спасти жизнь. Мою. Сделайте это, и никто не пострадает. Черт побери, я прикажу доставить вас всех, куда пожелаете - домой, в Диснейленд, куда угодно - вместе с чеком на кругленькую сумму, которой хватит на самые несусветные исследования - хоть крокодилов, хоть кого другого. А? Так вам спокойнее?

В глазах старика что-то блеснуло. Рептилия узнала этот блеск. Любые слова, любые обещания этого человека имели только одну цель - исполнение его собственных желаний. Сложные сообщества млекопитающих, основанные на взаимовыручке и сочувствии другим, этому человеку были чужды.

В то, что Сильвермэйн пощадит его семью, Коннорс не верил ни на грош. Зато вполне верил, что он не убьет их, пока не получит то, чего добивается.

Поэтому доктор согласно кивнул.

- Вот и прекрасно. Марко, отведи его к Уэсли, в лабораторию.

Но рептилия, угнездившаяся в голове Коннорса, не оставляла его никогда. И сейчас, едва тяжелая рука великана легла на плечо, она встрепенулась:

- Вначале я хочу увидеться с семьей.

Марко схватил Коннорса за грудки. Этим гигантом явно двигали инстинкты примата.

- Ты будешь делать то, что говорит мистер Сильвермэйн.

Быстрота, с которой Сильвермэйн, до сих пор сидевший неподвижно, поднялся, весьма впечатлила рептилию в глубинах сознания Коннорса.

- Ты слышал, что я минуту назад говорил об уважении?

Сильвермэйн хлестнул великана по щекам - раз, другой, третий - и тот отпустил доктора. Покорно опустив взгляд, Марко потрогал покрасневшие щеки и насупился.

- У вас нет причин так унижать меня, мистер Сильвермэйн.

Вопреки смыслу слов, голос его звучал виновато.

Сильвермэйн отступил назад. Дышал он тяжело, колени его дрожали, руки шарили за спиной, тянулись к столу в поисках опоры.

- Здесь отдаю приказы только я. Только я и никто дру...

Старик закашлялся и схватился за грудь. Лицо его вспыхнуло румянцем - таким же

нездоровым, как и прежний сероватый оттенок.

Цицерон тут же оживился, словно завсегда ипподрома, чья лошадь вдруг вырвалась вперед. Заметив взгляд Коннора, он кивнул в сторону своего босса:

- У тебя больше причин надеяться, что все обойдется, чем у меня.

Не сомневаясь в этом, Коннорс кинулся к Сильвермэйну, дотянулся до его шеи и нащупал слабо пульсирующую сонную артерию. Криминальный босс смахнул с шеи его руку.

- Со мной все хорошо. Просто приступ. Уже прошло, - переведя дух, Сильвермэйн потрепал по плечу встревоженного Марко. - Успокойся, мальчик мой. Забудем об этом.

Цицерон снова подхватил Коннора под локоть и поволок его к распахнутой двери. За дверью был коридор и лестница вниз.

- В лаборатории есть внутренняя кабельная видеосвязь. Через каждый час работы сможешь минутку поговорить с семьей.

* * *

РОББИ Робертсон обошел вокруг сидящего сына, то останавливаясь у книжных полок, то глядя в окно, то опираясь на стену своего кабинета.

- Хочешь быть активистом - прекрасно. Тут я с тобой целиком и полностью. Но мир задыхается от невежества, и спасение только одно - образование. Бросишь учебу - и ты все равно что солдат без оружия.

Но Рэнди был непреклонен:

- Я понимаю, о чем ты. Но вспомни, как много цветных доверились системе - и проиграли! Не понимаю, как можно бороться с системой, есть позволять ей промывать себе мозги.

- Промывать мозги? Послушать тебя, у вас там не колледж, а лагерь для военнопленных. Я всю жизнь воюю с несправедливостью - и как гражданин, и как журналист. Учеба не помешала мне в этом. Наоборот, помогла.

Рэнди покачал головой в поисках нужных слов.

- Много ли ты навоюешь, работая на этого...

Тишину прервал знакомый рев:

- Робертсон!!! Где этот Робертсон?!

Рэнди всплеснул руками.

- Ну вот. Помяни черта...

Из-за двери донесся приглушенный звук аплодисментов, и Робби расслабился.

- Не волнуйся. Он первый день, как из больницы. Пока еще доберется сюда мимо всех, кто будет поздравлять его с выздоровлением... Как знать, может, к тому моменту его настроение улучшится...

Без единого намека на стук дверь в кабинет распахнулась. На пороге стоял Джона во всей своей красе. Волосы и плечи его были усыпаны разноцветными конфетти.

- А может, и нет, - вздохнул Робертсон. - С возвращением, Джона. Я...

- Именно! Ты! Коллаборационист! Предатель, хуже Бенедикта Арнольда[6]! - отдых в больнице определенно пошел Джеймсону на пользу. Он взмахнул последним номером «Бьюгл» так энергично, будто помолодел лет на десять. - Стоило мне повернуться спиной - и ты сделал из Человека-Паука героя!

Робби поморщился.

- Остынь, Джона. Я никого из него не делал. Снимки говорят сами за себя, а мы должны доносить до читателя истину, разве не так?

- Чушь! Кто учил тебя журналистике? - смяв газету в кулаке, Джеймсон потряс ею перед Робертсоном. - Речь о точке зрения, о редакторском подходе! И тебе известно, какова позиция «Бьюгл» в отношении этого скользкого типа. Тебе известно, что о нем думаю я!

Рэнди не сводил глаз с отца, ожидая, что он ответит.

- Джона, это твоя газета, - ответил Робби. - Можешь писать все, что хочешь - в колонке главного редактора. Но городские новости - это моя епархия. Пишем, что наблюдаем. Чего не наблюдаем - не пишем.

Щеки Джеймсона задрожали и пошли пятнами.

- Думаешь, я не вышибу тебя за это вон? Думаешь, не имею права?

Рэнди подался вперед.

Робби спокойно скрестил руки на груди.

- И не потребуются. Если тебе угодно, чтобы я искажал действительность в угоду какой-то параноидальной вендетте, я ухожу.

Джеймсона передернуло. Злость на его лице тут же сменилась чем-то прямо противоположным.

- Стоп-стоп-стоп! Минутку! «Ухожу»? Что значит «ухожу»? Конечно, городские новости - это твое дело. Не понимаю, что вдруг на тебя нашло. С чего ты вдруг в бутылку полез? Хорошо. Прекрасно. Я принимаю твои извинения.

- Мои - что?

Но Джеймсон уже захлопнул за собой дверь.

- Я слишком мягок, слишком сентиментален для всего этого! - донеслось снаружи.

Как только сделалось ясно, что он не собирается немедленно вернуться, Рэнди широко улыбнулся.

- Он вправду считает, что ты извинился?

Робертсон махнул рукой.

- Нет. Но ни за что в этом не признается. Важно другое: новости, которые печатает эта газета, близки к истине настолько, насколько это вообще в моих силах.

Рэнди был впечатлен.

- Ты устоял перед ним и победил. Ведь ты в самом деле собирался уйти!

Поразмыслив, его отец кивнул:

- Да. Но еще я знаю этого человека достаточно хорошо и потому понимал, что до этого не дойдет. Конечно, он смотрит на вещи со своей точки зрения, но почитай, что он писал месяц назад о привилегиях белых. Джеймсон не расист - просто пустозвон, питающий какую-то странную враждебность к Человеку-Пауку. Хочешь стать настоящим бойцом - научись распознавать настоящих врагов.

- Окей, я все понял. Я останусь в ГУЭ, если только там меня научат одерживать верх в спорах с такими типами, как Джеймсон.

Робби хлопнул сына по спине.

- Тогда придется учиться до победного - до самой магистратуры.

* * *

ГЛЯДЕВШИЙ на них из-за окна Человек-Паук поспешил спрятаться, пока его не заметили.

«Похоже, Рэнди усвоил урок насчет важности терпения. Интересно, когда же я сам терпению научусь?»

Он пополз вдоль карниза, чтобы заглянуть в общий зал. Там, в окружении улыбающихся сотрудников, угрюмо стоял Джеймсон. Вид его был таким, точно он вот-вот разорется, приказывая всем вернуться к работе, но Бетти Брант и Нед Лидс осыпали его еще парой горстей конфетти. На секунду Питеру почудилось, будто главный редактор «Бьюгл» изо всех сил сдерживает улыбку.

«Этот тип способен затеять скандал даже в абсолютно безлюдном доме, и все же я рад видеть его. Однако я здесь не затем, чтобы любоваться его кислой физиономией. Раньше мне никогда не доводилось иметь дело с Маггией, и я потратил целую ночь на розыски их штаб-квартиры. Черт побери, я даже по имени никого из них не знаю, кроме Сильвермэйна. Однако узнавать новости первым - великая вещь. Надеюсь, свежие новости подскажут мне что-нибудь дельное».

Пока вся редакция смотрела на любимого начальника, Человек-Паук тихонько приоткрыл окно и стянул со стола стопку материалов, предназначенных для следующего номера. Повиснув на мачте антенны, он начал листать распечатки, пока не добрался до небольшой заметки, предназначенной для второй страницы.

«Значит, адвокат Цезарь „Большой Си“ Цицерон, подозреваемый в связях с Маггией, вытащил из тюрьмы правую руку Фиска? Должно быть, это как-то связано со скрижалью. И - надо же, здесь указан точный адрес адвокатской конторы этого Цицерона!»

Прыгая с крыши на крышу, Человек-Паук понесся над городом на высоте тридцати этажей. Он

направлялся в район Мидтауна, отделенный от Бьюгл-билдинг несколькими кварталами небоскребов. На этот раз, добравшись до нужного этажа, он легко отыскал офис Цицерона – к тому же заметил внутри хозяина, поспешно надевавшего те самые пальто и шляпу, в которых его сфотографировал репортер «Бьюгл».

«Хоть в чем-то повезло. Еще несколько секунд – и я бы его упустил».

Цицерон стоял к окну спиной, и Человек-Паук, не удержавшись от соблазна, нажал кнопку на поясе. На стене перед Цицероном вспыхнул и тут же погас паучий сигнал. Цицерон резко повернулся к окну, и его маленькие глазки под густыми бровями едва не вылезли из орбит.

- Человек-Паук?!

Распахнув створку оконной рамы, Питер прыгнул внутрь.

- Рад, что ты так быстро заметил. Батарейки у этой штуки могут сесть в самый неподходящий момент. Должно быть, ты – Большой Си. Не обижайся, но Маггии не помешало бы навести порядок во всех этих кличках. Если уж тебя прозвали большим в шутку, то и Марко следовало бы звать не горой, а холмиком, а то и кучкой.

- Что тебе нужно?

Обычно даже рядовые громилы-мафиози при столкновениях с ним поначалу держались вызывающе, но Цицерон задрожал. Решив воспользоваться его испугом, Человек-Паук придвинулся ближе – и адвокат едва не выпрыгнул не только из пальто, но и из собственной шкуры.

- Всего лишь немного поговорить. Прыгая по крышам, порой чувствуешь себя так одиноко... Как насчет ответов на пару вопросов? Например, зачем ты вытащил на волю Уэсли?

Цицерон расправил плечи, но так и не смог унять дрожь.

- Это подпадает под положение об адвокатской тайне.

Человек-Паук придвинулся еще ближе, и Цицерон попятился прочь, шаря руками по книжным полкам, чтобы нащупать дорогу.

- Нет, кроме шуток, я что – похож на судью? Ну да ладно, тогда скажи, при чем здесь скрижаль? А еще лучше – где находится штаб-квартира Маггии?

Цицерон кое-как выдавил из себя усмешку.

- Если бы я и знал это, думаешь, я настолько глуп, чтоб выдавать тайны Маггии?

- Да. Именно так я и думаю, – ответил Человек-Паук, глядя в его блестящие, точно бусины, глазки.

Негромкий щелчок заставил его опустить взгляд. Палец Цицерона отчаянно жал на кнопку, спрятанную под одной из полок. Зная, что паучье чутье предупредило бы о близкой опасности, Питер сгрел адвоката за лацканы пальто и поднял в воздух.

- Ну, и зачем ты это сделал? Теперь придется рассказывать все, что знаешь, еще быстрее!

- Сказал же: я языком трепать не буду! – сощурился в ответ Цицерон.

Тут паучье чутье защекотало в затылке – и сильно. Отпустив адвоката, Питер обернулся, и в тот же миг стенная панель прямо напротив них отъехала в сторону. За ней оказался потайной ход. В проеме маячили силуэты вооруженных людей.

- Ложись, Большой Си! – заорал один из них. – У нас хватит сил прижать его к ногтю!

Цицерон бросился на пол, уходя с линии огня:

- Меньше слов, больше дела!

Прогремели первые выстрелы, но Человек-Паук уже оттолкнулся от стены и летел на врагов. Сколько их там? Четверо? Пятеро?

Одна из пуль угодила в окно.

- Что он вообще здесь делает?

- Какая разница? Мы можем стать теми, кто задаст трепку самому Человеку-Пауку!

Несмотря на весь свой пыл, враги не были совсем уж новичками. Двое бросились вперед, обходя Питера с флангов, остальные остались на месте, прикрывая их огнем. Прилепившись кончиками пальцев к гипсокартонной стене, Человек-Паук ударом ноги отправил одного из бегущих прямо во второго.

Но прежде чем он успел добраться до троицы в дверях, те рассредоточились. Приземлившись возле ближайшего гангстера, он сжал кулак.

- Как он узнал, что мы держим здесь эту дамочку Коннорс и ее щенка?

Человек-Паук сдержал удар на полпути.

- Погоди-ка. Семья доктора Коннорса здесь?

В отчаянье Цицерон закрыл лицо ладонью:

- Идиот! Он ничего не знал, пока ты не проболтался!

«Неудивительно, что он весь – как на иголках!»

Горя желанием исправить допущенную ошибку, громила открыл беспорядочную стрельбу. Вокруг засвистели пули. Выстрелив паутиной, Человек-Паук сдернул с полки увесистый том свода законов и выбил им оружие из рук стрелка.

В затылке вновь защекотало, и он прыгнул. Стена там, где он только что был, треснула под ударом тяжелого кресла. Обхватив ногами шею швырнувшего кресло громилы, Человек-Паук кувыркнулся и свалил его на пол.

- Обратите внимание, ребята. По-моему, это называется «бросок с захватом ногами шеи».

Из потайного хода появились новые гангстеры, и в кабинете сделалось тесно. Выбравшись из-под стола, Цицерон за их спинами пробрался к выходу и пустился бежать по потайному ходу, придерживая на бегу подбитую мехом шляпу. Новый выстрел паутиной вывел из строя еще троих гангстеров, но выдвижная панель уже начала закрываться.

«Проклятье! Он не должен уйти!»

Крутанувшись в воздухе, Человек-Паук уложил двоих ударами плеча, перехватил руку, сжимавшую пистолет, и швырнул стрелка в тех, кто еще оставался на ногах. Пробившись к закрывающейся двери, он рывком открыл ее и прыгнул в узкий потайной коридор.

Внизу, у основания длинной лестницы, с потолка, перекрывая путь, опускалась стальная дверь. Прежде чем она успела закрыться, Человек-Паук прыгнул вниз и подsunул под край двери пальцы. Сил едва хватило, чтобы тяжелый металл не переломал ему кости.

«Еще один добрый совет дяди Бена: поднимая тяжести, включай ноги!»

Присев, Человек-Паук вцепился в нижнюю кромку двери и выпрямился. Скрытый в потолке механизм пронзительно заскрипел. Несколько секунд напряженной борьбы – и шестерни механизма сломались. После этого поднять дверь было легче легкого. За ней оказалась новая лестница, уходящая вниз – множество пролетов, разделенных площадками через каждые пятнадцать футов. Вспомнив, как высоко располагалась контора Цицерона, Питер понял, что ему предстоит спуск минимум на тридцать этажей.

Для быстроты он прыгнул на стену. Гибкость суставов позволяла, прилепившись к стене ладонями, толкнуться ногами, кувыркнуться вниз и прилепиться к стене ступнями. Он устремился вниз, кувыркаясь все быстрее и быстрее. Впереди мелькнула тень – Цицерон был совсем рядом...

Но жалобный крик заставил Человека-Паука остановиться:

- Помогите! Прошу вас, помогите!

- Миссис Коннорс?

Неужели Цицерон отпустил их, чтобы легче было уйти? Обернувшись, Человек-Паук увидел на предыдущей площадке цифровой диктофон и понял, в чем хитрость. Трюк Цицерона задержал его всего на несколько секунд, но порой несколько секунд могут изменить целую жизнь.

Достигнув нижней площадки, он увидел перед собой короткий коридор. Впереди взревел мотор, лязгнули, раскрываясь, ворота гаража. Не желая повторять ошибку с Кингпином, Питер сорвал с пояса паучий маячок, со всех ног бросился вперед – и успел как раз вовремя. Черный седан, визжа покрывками, рванул из небольшого гаража на улицу.

Не останавливая бега, Питер метнул маячок вслед автомобилю. Прежде, чем он смог увидеть, попал ли в цель, паучье чутье отчаянно забило тревогу – но бежать было некуда. В гараже и в коридоре взорвались множество бомб. Взрывная волна швырнула его к стене. Жарко полыхнуло пламя. Он заплясал, уворачиваясь от града осколков бетона, но тяжелая плита угодила в цель, едва не сбив его с ног, вывихнув плечо и сломав пару ребер.

Чудом избежав преждевременного погребения, Питер вырвался сквозь дымящийся пролом наружу. Насколько можно было судить, кроме него от взрыва не пострадал никто. На месте частного гаража осталась лишь дымящаяся воронка. Израненный, нервы на взводе, он едва слышал сквозь боль и шум в ушах тихий писк – что-то, кроме него, все же уцелело при взрыве.

В десяти футах от него, на островке бетонного пола, моргал красным огоньком паучий маячок.

«Ну вот. И след потерял».

<http://tl.rulate.ru/book/25490/531834>